

ство оригинальности произведения. Такая особенность русских переводов прослеживается со времени Киевской Руси (ср. перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия).

Малодоказательны и разыскания относительно литературного оформления русского перевода. Недостатком этой стороны статьи является частное смешение элементов содержания и формы. Характеристику социальных взаимоотношений, проявляющуюся в речах и переписке героев, Н. Розов относит к «способу изложения» (стр. 139). По его мнению, самостоятельность литературного оформления русской повести определяется тем, что она «прежде всего несколько короче соответствующей главы из хроники Бельского» (стр. 138). Наряду с этим Н. Розов указывает, что народно-поэтические образы и сравнения из хроники Бельского «целиком перешли в русскую повесть» (стр. 125). Но почему-то ритмическую структуру некоторых речей персонажей автор статьи считает «особенностью творческого метода автора русской повести» (стр. 143).

Суммируя сказанное, вряд ли возможно принять точку зрения издателей об оригинальности древнерусской повести о Скандербеге хотя бы уж потому, что во всех списках повести имеется подзаголовок: «выложена (или «переложена») с польския хроники на руское с Мартинова письма Бельского» (стр. 9). Есть ли основания опровергать это указание самого переводчика и переписчиков?

В заключение следует сказать, что, несмотря на отмеченные здесь недостатки издания, самое опубликование переводной повести о Скандербеге расширяет наше представление об исторической осведомленности русских книжников. Повесть, несомненно, займет достойное место в учебниках по древнерусской литературе, так как переводная литература XVII века представлена в них преимущественно западной рыцарской повестью и сборниками шуточного и поучительного характера.

В. ЗАЙЦЕВ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О «МОЛОДОЙ ГЕРМАНИИ»*

Книга профессора Лейпцигского университета В. Дице посвящена одному из важных эпизодов той напряженной борьбы, которая идет уже более века вокруг истолкования творчества Гёте и Шиллера. На текущем этапе этой борьбы — весьма остром — книга В. Дице помогает проследить прогрессивные традиции немецкой критики, показывает превосходство исследовательского метода молодого Энгельса в сравнении с теми суждениями о творчестве Гёте и Шиллера, которые Дице находит у писателей и критиков так называемой «Молодой Германии».

Это движение В. Дице справедливо определяет как «мелкобуржуазное по своему классовому характеру» (стр. 291). Показывая борьбу «Молодой Германии» против реакционных течений немецкой литературы 30-х годов, Дице отнюдь не идеализирует писателей и поэтов «младогерманцев»; в своей критической оценке их деятельности он опирается на принципиальные положения работы Ф. Энгельса «Александр Юнг. «Лекции о современной литературе немцев».

* Walter Dietze, *Junges Deutschland und deutsche Klassik. Zur Aesthetik und Literaturtheorie des Vormärz*. Berlin, Rütten und Loening, 1957, 391 S.

Первая глава работы В. Диде рассматривает те оценки творчества Гёте и Шиллера, которые сложились в Германии к 20-м годам XIX века. Во второй главе охарактеризованы воззрения Менцеля, в выступлении которого В. Диде видит «толчок к дискуссии о классическом периоде немецкой литературы». Отдельные главы посвящены определению позиций Берне и Гейне (особенно удачна глава о Гейне, одна из лучших в книге). В ряде самостоятельных небольших глав дан подробный анализ оценок Гёте и Шиллера у младогерманцев.

Под этим углом зрения исследует В. Диде высказывания и работы Т. Мундта, Г. Кюне в отдельной обобщающей главе «Позиции младогерманцев» (стр. 129—215). В. Диде подробно останавливается на философских, исторических, социальных и эстетических воззрениях «Молодой Германии», на основе которых складывается у младогерманцев оценка Гёте и Шиллера, их отношение к «классическому периоду» немецкой литературы. С полным основанием указывает исследователь на то, что литература младогерманцев — «явление переходного характера».

Книга завершается главой «Преодоление младогерманской дискуссии о классическом периоде немецкой литературы. Фридрих Энгельс» (стр. 243—276). В этой главе Диде анализирует концепцию творчества Гёте, выдвинутую Энгельсом в его работе «К. Грюн. «Гёте с человеческой точки зрения». Отмечая её непреходящую ценность для марксистского литературоведения, В. Диде подчеркивает, что Ф. Энгельс вывел изучение Гёте из того тупика, в котором оно оказалось в результате длительной дискуссии младогерманских критиков, не сумевших ни защитить Гёте от нападков реакции, ни разобраться в сложных противоречиях великого немецкого писателя.

Наиболее сильная сторона книги Диде, основанной на вдумчивом и глубоком изучении немецкой литературы XIX века (в книге использован богатейший материал, в том числе и архивный), заключается в историческом подходе к проблеме «Молодой Германии», в индивидуализированной оценке места и значения каждого из «младогерманцев».

Диде говорит о двух течениях внутри «Молодой Германии»: о берлинской группе (Мундт, Кюне и тяготеющий к ним Лаубе), к которой Диде относится особенно скептически, и о группе рейнской «с Гуцковым во главе» (стр. 39). Внимательное изучение литературно-критических взглядов этих писателей, представленное в книге их отзывами о Гёте, позволяет полнее и глубже понять сущность «Молодой Германии» и пути ее различных представителей.

Критикуя Кюне и Мундта, называя их суждения «плагиатом вплоть до формулировок», В. Диде видит в них последователей Л. Берне, повторяющих его ошибки в огрубленном и опошленном виде. Таково же суждение исследователя о Лаубе, который, по мнению Диде, следует Берне в своих вульгарных оценках Гёте, а также Менцелю — в оценке Шиллера (стр. 101).

В. Диде считает, что «Гуцков находится... между фронтами дискуссии о Гёте», однако ставит его неизмеримо выше Мундта, Кюне и Лаубе. «Ему был ненавистен застывший культ почитания Гёте... но не присоединяется он и к врагам Гёте» (стр. 109). Под таковыми Диде, цитируя Гуцкова, подразумевает тех, «кто считает, что Гёте, Шиллер, Гердер, Гегель должны быть оценены в зависимости от того, что думают они об эмансипации» (там же). Как заслугу Гуцкова отмечает Диде то обстоятельство, что Гуцков подметил значение Гёте для развития эстетических воззрений XIX века и пытался понять сущность противоречий великого писателя, постоянно указывая на них (стр. 112).

Тем более значительное место, с точки зрения В. Дице, занимает в развитии немецкой критики 30-х годов Л. Винбарг. В его подходе к Гёте исследователь видит «большую степень объективности и правильности» по сравнению с другими младогерманцами.

Книга В. Дице помогает глубже и разносторонне понять деятельность младогерманцев, освещает сложную картину развития эстетических и историко-литературных взглядов в 30—40-е годы. Книга убедительно показывает и принципиальное превосходство методологии молодого Энгельса, раскрывающееся в его подходе к противоречиям Гёте как к отражению противоречий немецкой действительности. Рассматривая борьбу передовых немецких критиков 30-х годов против Менцеля, Дице обращается к статье В. Белинского «Менцель — критик Гёте», вводя ее в общую картину борьбы за Гёте и верно характеризуя эволюцию великого русского критика.

Большой раздел «Позиции младогерманцев» интересен прежде всего обильными новыми фактами, показывающими распространение сен-симонистских идей в Германии 30-х годов.

Книга В. Дице обогащает наше представление о «Молодой Германии», вводит в обиход литературоведа ценный новый материал по истории немецкой литературной критики.

Вместе с тем она вызывает желание поспорить с автором. В. Дице прав, когда он утверждает, что взгляды Энгельса на Гёте, изложенные в работе о книге Грюна, были ценнейшим вкладом в материалистическое понимание истории литературы, замечательным открытием. Однако нельзя согласиться со следующим местом его работы: «В. И. Ленин в 1913 году в «Критических заметках по национальному вопросу» развил свой гениальный тезис о двух культурах внутри одной нации,— пишет В. Дице.— Едва ли мы зайдем слишком далеко, если станем утверждать, что Энгельс своим необыкновенно ясным анализом противоречий Гёте уже на практике открыл эту марксистскую истину» (стр. 264—265). Думается, что В. Дице все же заходит «слишком далеко»: от слов Энгельса о том, что Гёте «то колоссально велик, то мелочен», и т. д. до ленинского учения о двух культурах марксистская теория прошла долгий и сложный путь развития, да и в статье Энгельса идет речь не о двух культурах, а о противоречиях самого Гёте.

Не без основания сравнивает В. Дице высказывания молодого Энгельса о Гёте и некоторые мысли В. И. Ленина о Л. Н. Толстом. Но не следовало бы механически, без серьезных оговорок переносить на Гёте некоторые слова Ленина, сказанные все же применительно к Толстому (стр. 265). Наконец, нельзя согласиться с тем, что к работе Энгельса 1846 года отнесены слова В. И. Ленина, характеризующие ситуацию в Европе *после* 1848-го года. «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме,— писал В. И. Ленин.— Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*»¹.

Как видим, в этом месте работы В. И. Ленина речь идет именно об эпохе «*после 1848 года*». Процесс, о котором говорит Ленин, конечно, шел уже и до 1848 го-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10.

да, но сказался он со всей ясностью только в ходе событий 1848—1849 годов и потому едва ли можно применить эти слова, говоря о работе, написанной в 1846 году.

Трудно согласиться с общей оценкой Л. Берне. Она резко отрицательна. Тонкость анализа, обычно присущая В. Дице, когда он изучает высказывания писателей и критиков, вдруг изменяет ему, когда он говорит о Берне.

С другой стороны, несколько выпрямленным и идеализированным выглядит Гейне как историк литературы и критик. В. Дице вообще склонен к известному преувеличению роли Гейне — конечно, очень большой — в развитии немецкой критики 30-х годов. Едва ли можно согласиться с тем, что Гуцков и Винбарг «ориентировались на Гейне» в своих оценках Гёте и Шиллера (стр. 219). Вероятно, у обоих писателей — особенно у Винбарга — были свои собственные точки зрения на великую классическую эпоху немецкой литературы, не зависевшие от Гейне.

Хотя исследователь в названии книги говорит о немецкой классике в целом, однако по существу, конечно, его интересует прежде всего Гёте. Борьба вокруг Шиллера и Лессинга рассмотрена в гораздо меньшей степени. Наблюдения над тем, как оценивали младогерманцы Шиллера, появляются в книге регулярно вслед за материалами, освещающими проблему Гёте, но всегда в несколько сокращенном виде, скороговоркой. Это особенно чувствуется в разделе об Энгельсе. Ведь у молодого Энгельса были высказывания и о Шиллере, имеющие серьезный интерес для общей картины борьбы вокруг Гёте и Шиллера в 40-х годах.

Зато в главе о Гейне проблема Шиллера рассмотрена глубже и полнее, чем в других местах книги.

Очень богатая материалами глава «Позиции младогерманцев» могла быть несколько сокращена. Нужная в целом ряде своих разделов, она вместе с тем имеет почти самостоятельное значение и как отдельная работа об идеологических основах так называемой «Молодой Германии» представляет живой интерес. Но нередко она отходит довольно далеко от основной темы книги. Кстати, в ней автор не так глубоко анализирует различия во взглядах младогерманцев, как в главах, посвященных собственно литературному материалу.

Жалко, что история борьбы вокруг Гёте и Шиллера в немецкой критике рассмотрена в книге В. Дице в некотором отрыве от путей развития немецкой художественной литературы. Хочется больше узнать о том, какое значение имела эта борьба для формирования немецкого реализма XIX века.

Книга В. Дице снабжена очень полной, заботливо составленной библиографией, которая поможет исследователям, занимающимся немецкой литературой 30—40-х годов.

Р. САМАРИН

ВИКТОР ГЮГО, «ЧИСТАЯ ПОЭЗИЯ» И НЕ СОВСЕМ ЧИСТЫЕ ПРИЕМЫ ОДНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА*

«Несмотря на свои заблуждения пропагандистского толка, несмотря на легковесность, Гюго предстает перед нами как самый чистый поэт нашего языка, ибо в нем живет прежде всего стремление к Поэзии» (стр. XI).

«Его основная тема — это его желание проявить себя в движении стихов и строк» (стр. XI).

* Alfred Glauser, Hugo et la poésie pure, Genève. Paris. 1957, 133 pp.